

Маленький Цю, тут такая суматоха, я думаю, тебе всё же стоит перебраться в город, — подай заявление, пусть помогут тебе сменить жильё. Говорят, сейчас находятся умельцы, которые так делают. — Занимаясь работой, Старый Ли заговорил с Цю Чэном.

— Это же глушь полнейшая, а я здесь — рядом с Синьнаньским университетом. Смена жилья вовсе не гарантирует, что новое окажется лучше нынешнего. — Цю Чэн предпочитал жить именно в этих краях. В их округе здание, где находилась его квартира, было самым высоким, поэтому с земли разглядеть то, что творится у него на террасе, было практически невозможно.

— Эх, и то верно. Ну, будь осторожен. Если в один прекрасный день что-то случится, иди в Народную больницу и разыщи свою невестку. Помнишь ещё, как её зовут? — Когда работа возле нескольких жилых комплексов у Синьнаньского университета подошла к концу, их бригада электриков понятия не имела, куда податься дальше; возможно, группу распустят, а в посёлках и деревнях, как поговаривали, действовали свои отдельные команды, так что они были без надобности.

— Помню. — Цю Чэн кивнул. Семья Старого Ли была очень неплохой, жаль только, что любые пиры рано или поздно подходят к концу.

Для большинства людей расставания и встречи не были главной заботой. Всех волновало лишь то, удастся ли им в будущем добыть себе пропитание: нет работы — нет дохода, и чем тогда наполнять желудки?

В тот день во второй половине дня, перед самым роспуском собрания, кто-то спросил бригадира, ожидаются ли у их группы электриков какие-либо еще распоряжения после завершения текущих работ.

— Наверху только что выпустили циркуляр, возможно, вы ещё ничего об этом не слышали. — Бригадир их группы был технарем, направленным из армии, поэтому его источники информации работали куда лучше, чем у обычных горожан.

— Что за циркуляр? — стоило кому-то задать этот вопрос, как среди людей мгновенно воцарилась абсолютная тишина. Все наострили уши, ожидая продолжения от бригадира и боясь пропустить хотя бы одно слово.

— Все вы знаете, что во время вспышки вируса Икс армия повсеместно в первую очередь занималась эвакуацией густонаселенных городских районов, а в деревни спасательные группы направляли уже на более поздних этапах. Многие селения подверглись нападениям зараженных, а где-то не осталось в живых ни единого человека. В итоге после этой катастрофы сельское население катастрофически сократилось.

— Находясь в временной базе, все мы учились земледелию. И вот теперь вышел циркуляр от руководства: смысл в том, чтобы перебросить часть городских жителей в сельскую местность для занятия сельскохозяйственными работами.

— В горы и в деревни?

— Выходит, потом мы станем деревенскими жителями?

— А вернуться-то удастся?

— Мой дед в прошлом был образованной молодежью, и ему стоило огромных трудов снова пробиться обратно в город.

— Всё это...

После слов бригадира в толпе тут же поднялся гул.

— На этот раз всё будет иначе, чем с той отправкой в деревню. — Бригадир знаком попросил всех успокоиться:

— Люди уезжают, а прописка остается на месте, городское жильё за вами тоже закреплено навечно. Тем, кто поедет, достаточно лишь подписать контракт, и местная власть обеспечит их в деревне жильем и земельным наделом, а также выделит определенное количество продовольствия. После сбора урожая нужно будет сдать государству оговоренную часть зерна, а в периоды сельскохозяйственного затишья можно в любой момент возвращаться в город. По истечении годового срока контракта решайте сами — продлевать ли его на следующий год, всё зависит исключительно от вашего личного желания.

Услышав это, многие почувствовали воодушевление. Больше всего они боялись, что после отъезда в деревню пути назад уже не будет; но раз разрешают вернуться — в нынешние времена в деревне прожить определенно проще, чем в городе, ведь одних только диких овощей в горах растет невесть сколько.

Даже Старый Ли загорелся и уже был готов испытать судьбу, однако, вспомнив о работе жены в больнице, немного засомневался. Санитарка — пусть и не великая должность, но кусок хлеба она гарантирует. А что ждет в деревне — неизвестно. Может, махнуть туда одному?

Цю Чэн же ехать в глушь совершенно не хотел. В старшей школе по приглашению одного одноклассника он во время летних каникул съездил к нему на родину в деревню, так в результате уже через пару дней вся округа знала, что он — жалкий сирота, у которого отец умер, а мать вышла замуж во второй раз.

По правде говоря, Цю Чэну больше нравился город и возможность сохранять некоторую дистанцию в общении с окружающими. Каждый жил своей жизнью, и даже сталкиваясь нос к носу, не было нужды притворно и дружелюбно раскланиваться — такая среда обитания казалась ему самой комфортной.

После окончания смены Цю Чэн вытащил те самые кукурузные лепёшки, что копил в последние дни, но, подумав, убрал самую свежую, которую сэкономил только сегодня.

Остальные лепёшки он отдал Старому Ли, попросив взамен помочь достать семян. Ещё когда Старый Ли обмолвился, будто кто-то в больнице, где работала его жена, пытался что-то выращивать, Цю Чэн взял это на заметку. У людей из различных городских организаций всегда есть нужные связи, и раздобыть семена, пожалуй, не составит большого труда; действовать через них было куда надежнее и безопаснее, чем самому тащиться в деревню и искать с кем бы поменяться.

— Считай, что уже сделано. — Старый Ли не знал, что Цю Чэн уже раздобыл семена самостоятельно. Он лишь слышал, будто Цю Чэн ферментировал с помощью бактерий ХМ какое-то удобрение. Удобрение у него теперь имелось, так что желание прикупить семян выглядело вполне естественным.

— Спасибо. — Цю Чэн с улыбкой поблагодарил его. У Старого Ли были кое-какие связи, да и лишнего он не сдерет — лучшего помощника и не сыскать.

Тем временем у А Чана день выдался чрезвычайно трудным. Накосив охапку зелёной травы для тех трёх овец, он отправился разорять птичьи гнёзда на ближайших склонах. Разорение гнёзд — дело Куда более хлопотное, чем ловля рыбы или креветок, да и добычи с гулькин нос. За весь день он облазил несколько гнёзд, но так до конца и не смог утолить голод.

С наступлением темноты А Чан с поникшим видом вернулся домой к Цю Чэну. Редкий случай — он пришёл позже самого хозяина.

— Вернулся? — в этот момент Цю Чэн сидел на диване и изучал те самые «Записки о культивации древесины». Ему хотелось разобраться, что из себя представляет путь древесного культиватора; если представится возможность, он бы и сам не прочь как можно раньше ступить на тропу культивации — крепкое тело и долгая жизнь, безусловно, прельщали и его.

— М-м... — А Чан почесал за ухом и с унылым видом опустился рядом с Цю Чэном.

— Рыбы не поймал? — спросил его Цю Чэн.

— Угу. — А Чан поднял глаза на Цю Чэна, после чего с чувством вины опустил голову ещё ниже — до чего же он никудышный спутник жизни.

— На. — Цю Чэн протянул ему кукурузную лепёшку.

А Чан удивленно повернулся к Цю Чэну: он никак не ожидал, что с ним может приключиться такое счастье! Прежняя кошка-мать никогда не приносила старому котовичу в зубах даже завалящей мыши, а ему так невероятно повезло!

— Ешь давай. — Цю Чэн улыбнулся, сам того не ведая, что только что сравнил себя с кошкой.

Благодаря бдительному преследованию со стороны сил общественной безопасности города Синьнань дело о браконьерстве с помощью электроудочки было раскрыто в кратчайшие сроки. В конце концов, замешаны в нём были обычные простолюдины, и под допросами следователей они неизбежно должны были проколоться.

Ходили слухи, что зачинщиками этого рыболовного бесчинства оказались несколько городских парней, причем корни двоих из них уходили как раз в ту деревню у реки Синьнань. Эта шайка начала планировать всё дело ещё в период пребывания на временной базе, а вернувшись в Город Синьнань, окольными путями раздобыла снасти для электролова и перешла к делу.

Злоумышленники понимали, что их ночные вылазки с электроудочкой на реке никак не удастся скрыть от жителей двух ближайших к воде деревень, поэтому они привлекли к делу местных крестьян, в том числе из деревни Сюшуй.

В ту ночь некоторые жители домов по берегам реки Синьнань тоже слышали шум. Те, кто потрусливее, забились по домам и боялись высунуть нос, а те, кто посмелее, пришли поживиться чужим добром.

На следующий день после инцидента сотрудники полиции приняли заявление и затемно помчались к реке Синьнань, но всё равно опоздали. Опрашивая местных жителей вдоль берега, они выяснили, что участников было немало, однако назвать конкретные имена никто не мог: ночью стояла темень, да и злоумышленники почти не разговаривали, так что опознать их не представлялось возможным.

Несколько милиционеров нагрянули в деревню Сюшуй, но получили точно такие же отговорки, что и в других местах. Многие крестьяне уверяли, будто слышали какой-то шорох и догадывались, что кто-то глушит рыбу, но выходить наружу не смели и понятия не имеют, кто конкретно там был; другие же просто заявляли, что спали крепким сном и ничего не слышали. Покружив по деревне и не заметив ничего подозрительного, стражи порядка были вынуждены ни с чем вернуться назад.

Позже полицейские нашли зацепку в другой деревне: едва несколько сотрудников вошли туда, как заметили мужчину, который закапывал что-то прямо на краю поля, а рядом стояла глубокая миаоская чашка.

— Земляк, что это ты здесь закапываешь? — поинтересовался один из милиционеров.

— Да так, ничего особенного. — Лицо мужчины исказилось от испарения, глаза заБегали.

Стоило правоохранителям взглянуть на это, как они сразу поняли: дело нечисто. Подойдя ближе, один из них поднял с земли ветку и раскопал то, что мужик только что засыпал землей. Оказалось — целая куча рыбьих костей. Сами по себе эти кости ещё не тянули на тяжелое

преступление, ведь живущим у реки людям вполне свойственно ловить пару рыбин на обед, но этот тип оказался трусом и после пары угроз выложил всё как на духу.

Стоило пробить брешь, как дальнейшее расследование пошло как по маслу. Опираясь на показания этого мужика, стражи порядка быстро вычислили и скрутили тех городских парней, а заодно задержали часть замешанных деревенских. Те стали перекладывать вину друг на друга, и очень скоро следствие выявило остальных причастных.

После поимки преступников возник новый вопрос: как с ними поступить? В дело оказалось вовлечено слишком много людей — только тех, кто напрямую орудовал электроудочкой, набралось свыше тридцати человек, не говоря уже о тех, кто покрывал их ради собственной выживаяния.

Раньше за браконьерство с электроудочкой обычно просто конфисковывали орудия лова, а в особо тяжких случаях налагали небольшой штраф. И хотя на этот раз размах преступления оказался велик, в конце концов, все эти люди полезли в реку исключительно ради того, чтобы набить животы; чересчур суровое наказание могло вызвать народный гнев, а слишком мягкое — не возымело бы должного эффекта устрашения.

Вскоре до Цю Чэна и его товарищей дошли слухи, что каждого участника электролова оштрафовали на десять тысяч юаней, а с главных зачинщиков содрали по тридцать тысяч. Остальных пособников решили пока не трогать, но пригрозили: в случае рецидива наказание будет жесточайшим.

Все эти годы они ютились на временной базе, где из-за острой нехватки ресурсов цены взлетели до небес, а покупательная способность бумажных денег падала с каждым днем. Однако это вовсе не означало, что сумма штрафа казалась им пустяковой. Напротив, сейчас у каждого в карманах гулял ветер; когда они только прибыли на базу, купюры ещё имели хоть какую-то ценность, и большинство просто проедало свои сбережения, так что штраф в десять или тридцать тысяч юаней для обычного горожанина был огромной суммой.

— Отделались простым штрафом, повезло же этим ублюдкам, — возмущались рабочие из бригады электриков.

— А что по-вашему делать? Посадить их всех за решётку? Их ещё и кормить там за государственный счёт придётся. — Время едва перевалило за половину пятого, а у ворот жилого комплекса уже толпилось множество электриков в ожидании раздачи еды.

Еще через три-пять дней их работы здесь подойдут к концу, а иных распоряжений не поступало. Придется либо оставаться в городе в поисках другой подработки, либо отправляться в деревню на пашню, и на фоне этого все вокруг заметно расслабились — уже не опасаясь, что бригадир в один прекрасный момент со злости укажет им на дверь.

— Будь у меня такой шанс, я бы сам пошёл рыбу глушить.

— Ты думаешь, это дело каждому по плечу? В нынешние-то времена попробуй сунуться с электроудочкой к чужой деревне без нужных знакомств — тебя там живьем сожрут.

— Какое там глушить, там даже креветок не осталось! — Желающих поживиться за счет реки Синьнань находилось немало. Хотя большинство так и не решилось пустить в ход электроудочки, многие подумывали хотя бы посидеть с удочкой вместе с детьми у берега. Теперь же рыба и креветки на большей части акватории были выбиты под корень, и все испытывали глубокое озлобление.

— Когда работы здесь закончатся, наша семья планирует вместе уехать в деревню. Сяо Цю, а ты? Не хочешь с нами? — поинтересовался Старый Ли у Цю Чэна.

— Нет, я не поеду, — покачал головой Цю Чэн.

Он уже твердо решил остаться в городе. Благодаря Массиву Сбора Духов он сможет вырастить достаточное для пропитания количество еды даже здесь, а поездка в деревню принесет лишь лишние хлопоты.

За последние дни помидоры и перец на их террасе начали созревать. Томаты, выращенные в ауре массива, получались невероятно сладкими и сочными — они с А Чаном уплетали их за обе щеки. Правда, в этот раз он посадил сразу несколько кустов, и съесть их в одиночку они бы точно не смогли, так что излишки можно будет выменять в городе на что-нибудь полезное.

Выращенный им перец тоже удался на славу — жгучий и ядрёный. Их регион принадлежал к внутренним районам, и местное население обожало острую пищу; даже в нынешних суровых условиях любая семья, обладавшая хоть каким-то достатком, старалась держать дома баночку перцовой пасты, чтобы скрасить скудный рацион.

Цю Чэн, будучи коренным местным жителем, разумеется, не был исключением. Весь созревший урожай перца он разложил сушиться под солнцем, планируя после сушки смолоть его в порошок, чтобы добавлять понемногу в любые блюда и супы.

В десять минут шестого наконец прибыла машина с обедом, и все выстроились в очередь.

— Послушайте, эта лепешка опять стала меньше? — вскоре спереди посхедого недовольные возгласы.

— По всему городу Синьнань действует единый стандарт, нечего мне жаловаться, толку всё равно не будет, — бросил раздатчик еды. — Наша база ещё держится неплохо, а вы знаете, что в некоторых городах уже голод начинается?

— А то, что у нас сейчас, голодом не назовешь? — крикнул кто-то с задних рядов.

— Да этот голод уже пять лет длится! С тех пор как объявился этот сукин сын вирус Икс, я досыта не ел уже много дней, — громко и хмуро пожаловался высокий крепкий мужчина.

— Только ты один тут голодаешь? Весь мир не доедает. — Раздатчик, судя по всему, привык к подобным сценам, и одной фразой рассмешил всю толпу. После этого люди разобрали свои пайки и разошлись по углам.

Кукурузные лепёшки и впрямь уменьшились в размерах: если раньше одна весила почти полфунта, то теперь едва ли тянула на четыре ляна. В нынешнюю эпоху в желудках ни у кого не было ни капли жира — стоило поесть, как голод возвращался вновь. Подобная четырёхляновая лепёшка никак не могла утолить аппетит взрослого человека, тем более что у большинства мужчин имелись семьи, которых нужно было кормить.

Цю Чэну теперь тоже приходилось заботиться о домашних: А Чан не мог поймать рыбу в реке, из-за чего стал хуже питаться и часто нуждался в поддержке Цю Чэна.

Ощукая себя нахлебником у собственного спутника, А Чан, помимо радости, испытывал и горечь поражения: в этот день ему снова не удалось добыть достаточно еды. Видя, что солнце уже клонится к закату, он после коротких колебаний шагнул в заросший бурьяном пустырь у дороги.

Закончив смену, Цю Чэн собрал поблизости сухих ветвей. Когда работа окончательно закончится, готовых лепёшек у них не будет, но как только созреет урожай на террасе, они смогут готовить дома сами — запастись дровами заранее никогда не помешает.

— Писк! Писк! — стоило ему с вязалкой хвороста зайти в пустой дом напротив собственного, как он внезапно услышал мышиный писк.

— А Чан? — неуверенно позвал Цю Чэн.

— ... — морщась, А Чан вылез из темного угла. В руке он держал за хвосты и тащил вниз головой двух отчаянно извивающихся жирных полевок. Зверьки изо всех сил пытались извернуться и тяпнуть его за пальцы, но А Чан слегка встряхивал руку, и те снова повисали смиренно.

А Чан не любил есть мышей и уж тем более не хотел, чтобы Цю Чэн узнал, что раз он не может поймать рыбу, ему приходится питаться грызунами. Цю Чэн не производил впечатление человека, которому могут нравиться мыши, поэтому А Чан и прятался.

Однако Цю Чэн вовсе не выказал ни отвращения, ни брезгливости. Сложив дрова у входа, он подошел, забрал из рук А Чана пару откормленных полевок, повертел их в руках, закатал рукава и принялся за дело.

Раньше Цю Чэну не доводилось пробовать полевок, но он слышал о них от одного сокурсника с юга. Он отрубил грызунам головы, выпотрошил внутренности, промыл тушки чистой водой, развел костер, поставил на огонь котелок с водой и водрузил сверху решётку, куда и уложил полевок для варки — зверьки были крупными и мясистыми.

После пропаривания с них легко сошла шкура, затем А Чан ударил лапы и хвосты, всё хорошенько промыл, установил нержавеющую пароварку прямо на сложенную из кирпичей импровизированную печку и развёл под ней огонь. Полевок выложил на решётку, щедро смазал приправами, присыпал зирой, и вскоре пошел аппетитный аромат.

Перед лицом ароматного жареного мяса любые принципы вроде «я не ем мышей» улетучиваются сами собой. Цю Чэн уже и не помнил, когда в последний раз ел мясо, а его организму отчаянно требовались белки и жиры. На двоих они умяли обеих жареных полевок. Расправившись со своей добычей, А Чан почувствовал, что не наелся, и, сверкнув глазами, снова собрался выскочить наружу.

— Подожди. — остановил его Цю Чэн.

— ? — А Чан озадаченно замер, склонив голову набок и глядя на Цю Чэна с полным непониманием.

— Возьми вот это. Поймал — бросай внутрь, налови побольше. — Цю Чэн протянул ему плетеную сумку.

— ! — А Чан улыбнулся, взял мешок и с воодушевлением выскочил на охоту за мышами.

Ночная равнина утопала в тишине. А Чан чувствовал себя свободно: наконец-то вокруг не было снующих повсюду людей, ему больше не нужно было прятаться. Впрочем, он и сам толком не мог объяснить, от кого и зачем прячется — хоть внешне он и был точь-в-точь как они, в глубине души он неизменно ощущал какое-то странное отличие.

В ту ночь А Чан притащил домой больше десятка полевок. Всё, что они не смогли осилить, Цю Чэн превратил в сушеное мясо, оставив живыми лишь трёх зверьков — он собирался завтра взять их с собой в город и испытать удачу.

Какими бы тяжелыми ни казались нынешние времена, всегда находились люди, у которых не болела голова из-за куска хлеба. А раз желудок был полон, неизбежно возникало желание отведать чего-нибудь изысканного. По словам Старого Ли, каждое утро на улице перед старым овощным рынком города разворачивалась стихийная торговля.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, а А Чан ещё сладко спал, свернувшись калачиком на постели, Цю Чэн на цыпочках вышел из спальни. Сложив в рюкзак собранные за эти дни помидоры, он выдернул из плетеной корзины на балконе несколько пучков зеленого лука, завернул их в отрезок ткани и тоже уложил в рюкзак — места там было предостаточно, так что

за сохранность перьев лука можно было не переживать.

Лук в корзине на его террасе разросся чересчур буйно, и пришла пора проредить посадки, иначе они вскоре заполнили бы всю емкость целиком.

Кроме того, в дорогу предстояло захватить тех трёх полевок, оставленных в живых накануне. Он нарочно не стал их обрабатывать: после разделки уже трудно отличить домашнюю крысу от дикой полевки, а местные жители относились к поеданию грызунов с изрядной брезгливостью, и если бы под видом полевки подсунули домашнюю крысу, товар могли попросту отказаться покупать.

Добравшись с этим скарбом до центра города и ступив на улицу перед рынком, Цю Чэн издалека увидел ряды торговых мест: здесь продавали предметы обихода, косметику, самую разную одежду и обувь, а кое-кто даже разложил товар с кукурузной мукой.

— Почем кукурузная мука? — проходя мимо этого лотка, Цю Чэн невольно притормозил.

— Продаю? Братец, ты шутишь, — усмехнулся торговец. — Я её не продаю. Если у тебя есть что-то стоящее, можешь обменять на мою муку. Лучше всего принимаются изделия из золота, серебра и меди, но сгодится и любая другая вещь, оценку произведем на месте.

— Помидоры нужны?

<http://bllate.org/book/21998/2286871>